

Александр Мазин

Сборник
стихотворений «Путь к
сердцу горы»

Александр Владимирович Мазин

Путь к сердцу горы (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937625
Путь к сердцу горы / Мазин А.: АСТ; 2012
ISBN e-publishing

Аннотация

Авторский сборник стихов «Путь к сердцу горы» Александра Мазина.

Содержание

Стихотворения 1985–1988 гг.	4
«В этой стране только мертвые сраму не имут...»	4
«Снег не сошел – весны еще нет...»	6
Зимняя колыбельная	7
«А в комнате пахло смолой...»	9
«Четверг. Четвертый день недели...»	10
«Я часто ухожу туда, где лето...»	11
«А вчера случайно придумал дождь...»	12
«Петербургски серая погода...»	13
«Горечь кофейных глаз...»	16
«Мерзость. Теплая водица...»	17
«А на кухне тяжелый чад...»	21
«Что ж, иди, иди на голос...»	23
«Я не пил паутинной воды...»	25
«Там, где вымысел голый...»	26
«Почему твои волосы пахнут увядшей травой...»	30
«А на улице розовый снег...»	31
Лубочные картинки	33
«Хриплый шепот: „Что я? Где я?“...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Мазин

**Путь к сердцу
горы (сборник)**

(с незначительными сокращениями)

Стихотворения 1985–1988 гг.

**«В этой стране только
мертвые сраму не имут...»**

В этой стране только мертвые сраму не имут.
В этой стране только мертвым дано говорить.
В этой стране, на развалинах третьего Рима,
Только и свету, что спать да молитву творить.

В этой стране, где свобода – не больше, чем право
Сесть наугад в переполненный грязный вагон,
И, затаясь, наблюдать, как меняет Держава
Лики вождей на полотнах бесовских икон.

В этой стране никому и никто не подвластен
Данностью свыше. Почти не осталось живых
В этой стране, где уверенность в будущем счастье
Лишь у юродивых. (Бог не оставит своих).
Где на объездах Истории жирные монстры
Прут из земли, как поганки под теплым дождем;
Серое делают белым, а белое – черствым,
В этой стране...
Но другой мы себе не найдем.

«Снег не сошел – весны еще нет...»

Снег не сошел – весны еще нет.
Розовый шелк скользит по спине.
Шелковый путь – теплый и длинный.
Каплет на грудь сок мандарина.

Что до весны: дни наши – заячьи.
С мокрой стены Бог улыбается.
Ночью в окно: гость. Или – чудится?
Очень темно. Но мы не заблудимся.
В завтрашнем дне – травы без запаха.
Мед на спине смуглыми каплями.
Над потолком – ночь. И топор ее.
Бьет хохолком чучело ворона.

Зеркало бед – демон полуденный.
Нас еще нет, и мы не заблудимся.
Здесь хорошо – гавань неспешного.
Снег не сошел. Краски не смешаны...

Капля стечет – не помешать ей.
Губы в пучок – морда лешачья.
Демон ночной выюгой кору дерет.
Очень темно. Но мы не заблудимся.

Зимняя колыбельная

Ветерок
Ставенькой стучит о стекло.
Спи, дружок.
Все дороги к нам замело.
Все пути
Ныне охраняют твой сон.
Снег летит.
Кружится, почти невесом.

Спи, малыш.
Глазоньки закрой и усни.
Снегом с крыш
Падают пушистые сны.
Мотыльком
Огонек дрожит па стекле.
Спящий дом
Утонул в полуночной мгле.

Спи, дружок.
Вьюга унялась за окном.
Снег пошел
Белую пушистой стеной.
Жар в печи
Обжигать лицо перестал.
Мир молчит.

Может быть, он тоже устал?

Ночь темна.

В печке огонечек угас.

Тишина,

Обними, родимая, нас.

Завтра в путь.

По колено в белом снегу.

Не уснуть?

Спи, а я твой сон сберегу.

«А в комнате пахло смолой...»

А в комнате пахло смолой.
Ах, нет, не смолой – канифолью.
И гнал по паркетному полю
Колесики пылин сквозняк.

А в комнате было светло.
Свет прыгал по комнате, весел.
А шторы еще не повесил,
А, может быть, вовремя снял
Ее обитатель.

Незлой
Он был, и немного наивный.
Он спал, и расслабленной ивой
Текла на паркет простыня.

И зяблик звенел за стеклом.
Над выпуклым зеркалом лака
Качались прозрачные злаки
Вошедшего в комнату дня.
А в комнате пахло смолой.

«Четверг. Четвертый день недели...»

Четверг. Четвертый день недели.
Слепой волчонок, дочь метели,—
Поземка льнет к колоннам ног.
И взмыл, чеканно одинок,
Излом плаща на медном теле
Коня. Ночь снежит еле-еле.
Мелькает мелких льдинок сеть.
А воздух влажен, и броня
Домов, как будто сетью трещин
Подернулась. Преддверье вещей,
К утру теряющихся снов...
Разводы синего огня
Беззвучно озаряют дно
Пустынной площади. И вверх
Уносит мысли снег. Присев
На серо-желтый тонкий лед,
Спит селезень. Поземка льнет
К ногам. Еще чуть-чуть – и дверь
Парадной придержав спиной,
Спешу, пока еще четверг
Не кончился.

«Я часто ухожу туда, где лето...»

Я часто ухожу туда, где лето.
Туда, где ели, наклонясь надменно,
Роняют иглы на стекло воды.
Я ухожу от лампового света
В страну, где солнце растворяет тени,
И где дрожат, колеблемые ветром,
Паучьи замки. И бредут
Следы лосиные. В страну, где камни дышат,
В песок зарывшись, и тепло густеет,
И черный ил охватывает зыбко
Ступню. И стайкой – крошечные рыбки...
Я ухожу,
Пусть рухнут эти стены —
Я не услышу.

«А вчера случайно придумал дождь...»

А вчера случайно придумал дождь.
Было душно и я устал.
И явился ветер и листьев дрожь,
И скольжение тучьих стай;
На спине у площади пятна луж,
Гром, распахнутое окно.
Блестки капель, россыпью, на полу,
Вниз бегущее полотно
Голубых, ниоткуда летящих струй,
Шляпки зонтиков, плеск подошв...

Я хотел придумать тебя, мой друг,
А придумал сентябрьский дождь.

«Петербургски серая погода...»

Петербургски серая погода.
Солнца нет. Его не нужно прятать
Дымчатым курчавящимся водам.
Дождь идет. Но мы не виноваты.
Мы не виноваты в серых лицах
Наших женщин, в жестах анемичных...
Голубь тоже сер, а эта птица —
Символ улиц северо-столичных.

Светит люстра. Кот на батарее.
Голова, приникшая к подушке.
Это ничего, что мы стареем.
Хуже – если мучимся удушьем.
Будто бы испачканная кожа.
Седина. Оплывшие фигуры.
Будущее меньше нас тревожит,
Чем чужих квартир архитектура.

Петербургски медленные речи.
Паутина пыли под диваном.
Вскидывает руки человек
В глубине дрожащего экрана.
Шелестят газеты. В сизой вазе
Сохнут трехрублевые мимозы.
Опуская ноги в теплый тазик,

Наши мысли погружаем в грезы.
Барахлит кишечник. Плохо с сердцем;
Отраженье книг на стеклах потных.
«Не клади в жаркое столько перца. Вредно...»
Завтра снова на работу.

Спи, мой Город! Мой многоэтажный
Лабиринт колючих коридоров,
Ешь, люби, захлебывайся кашлем,
Мой великолепно нищий Город,
Я тебя не выдам! И не брошу!
Ненавижу суетную праздность,
Но тебе – прощаю. Ты хороший.
Просто ты устал...
На стенах грязных
Темные неровные потеки.
Снова дождь по переулкам бродит.
Иногда мы чересчур жестоки.
Не нарочно. Просто – так выходит.

Петербургски сумрачные мысли.
Паутинка от волнений зряшных.
Облака над крышами нависли.
В проходных дворах бывает страшно.

Ломтик неба смотрится иначе
Сквозь переплетенье тонких веток.
Мы смеемся редко, чаще – плачем.
Но зато как радуемся свету!

«Горечь кофейных глаз...»

Горечь кофейных глаз.
Линия ломких плеч.
Можно ли убересть
Тебя, что не родилась?

Смуглые кисти рук,
Пара усталых птиц,
Зыбкая дрожь ресниц.
Бабочка на ветру.

Узок сырой причал.
Вечен приют от бурь.
Тонок, высок и бур
Легкий тростник – Печаль.

Вера моя светла.
Много светлей, чем сны.
Спит в челноке Луны
Ты, что не родилась.

«Мерзость. Теплая водица...»

Мерзость. Теплая водица.
Человечек с клювом птицы...
Черт-те-что такое снится!
Надо б форточку закрыть.
Надо б встать, да зябко что-то.
Надо! Скоро на работу!
Снятся всякие уроды!..

– Ва-ау! Грам-м! Однако, прыть!
Шалый бег: пой ветер в ухо.
В чаще кто-то ухнул глухо,
В небе звездочка потухла.
До нее ли! Шорох, треск,
Хруст, сопенье. Сучья, листья
Чавкают. Побежкой лисьей
Ночь навстречу. И дались ей
Эти дырки!
На холмы
Небо смотрит глазом круглым
Звезд расплывшиеся угли.
Лекарь помер от чумы.
Дремлет пес, забившись в угол.
Оторвали ногу кукле.
Спит ребенок на полу.
Тараканы – по столу.

В дырку фортки лезет лихо.
– На-ка в зубы! Что, притихло?
Так-то!
След на грядке рыхлой.
Муха, рысью, по стеклу.
Спи ты!
В нише паутина...
Нищий, что ли? Вот скотина!
Обождал бы до утра!
Ан, светает? Знать, пора
Просыпаться...

Мысли – теркой.
Спрыгнул на ковер потертый
Человечек: «Жив? А зря!
Толку – чуть. Лежишь, как мертвый,
Только мысли – вскачь...»

В обертку
От конфеты ткнулся твердый
Жесткий палец фонаря:
«?»
Дядька съел! Конфета «Тузик».
Слышь, фонарь, ты мне – союзник?
Значит, будем заодно?

Муха тычется в окно...
Человечек с клювом птичьим
Скинул с лапки рукавичку,

Почесался неприлично...

– Брысь! – Смеется:

– «Что, знобит?»»

Пес зашелся на цепи.

– Все в порядке, детка, спи!

– Слышь, собаку отзови!

– Сами – кто?

– Свои, свои!

Цепь следов на огороде...

– По ночам свои не ходят!

– Заблудились. Леший водит.

Дай водицы-то испить!

– Обождите. Так и быть,

Дам. А после – уходите.

Стойте! Стойте, где стоите!

Доведете до греха!

Сверху сыплется труха.

Или грезится? Ан, близко,

В низком кресле, толстый, лысый,

А глаза, как у птенца...

Отвори-ка дверь, пацан!

Долго здесь еще стоять нам?

Батька? Вот он. Плохо батьке.

Верно, сердце подвело...

Пятна темные в траве.

Копошатся муравьи.

– Аль, не слышишь – отвори!

Есть такое ремесло.

Называется: «поэт».

Просто выжил – повезло.

Счастлив – чудо...

Сквозь стекло

Слабо теплится рассвет.

Человечка больше нет.

«А на кухне тяжелый чад...»

А на кухне тяжелый чад.
Бормотание двух кастрюль.
А часы на стене молчат.
И молчит за стеной июль.
Он молчит потому, что ночь.
Ночью звуки обычно спят.
Ненароком взгляни в окно,
И увидишь внизу себя!

А по небу летит звезда.
Не затем, чтобы всем помочь.
А для тех, кто не вьет гнезда,
Кто не путает день и ночь
В колыбели бетонных стен.
Обитатель пяти углов
Неусыпно следит за тем,
Чтобы в нас не иссякло зло.

А дорога на пир-шабаш
Выбегает из тупика.
Но пронзает восьмой этаж
Телефонная трель звонка,
И роняет скрипучий лифт,
Испещренный плевками слов,
На асфальтовый струп земли

Властелина пяти углов.

А над миром вонючий дым.
И настырный вороний гам.
Мы ошиблись, он был пустым!
...Липнет музыка к сапогам
Властелина пяти углов.
И хрустит под ногой стекло.
Он идет по тропинке слов,
Рассекающей дымный склон,
Где дорога на пир-шабаш
Выбегает из тупика.
И летит впереди мираж:
С обнаженным мечом рука.
Он восходит на край скалы.
Посмотри на него – он слеп!
Но глаза его так светлы,
Что не жить ему на земле!

«Что ж, иди, иди на голос...»

Что ж, иди, иди на голос.
Бог тебе судья.
Улетел вчера щегол из
Клетки. Сыновья
Врачевателя поделят
Нажитое зря.
В небе цвета каломели
Старится заря.

Привстает туман вечерний
Над периной трав.
Им – его. А ты зачем им?
Вечник был неправ?

Звонко бьются о дорогу
Каблуки копыт:
– Мы тебя не будем трогать.
Ты *уже* убит.

Ан, соврали! Где им, шалым,
Высмотреть звезду!

«Дуй своей дорогой, мальй!»

И – иду. иду...

Без тропинки, между низких
Встрепанных осин
Краем пахоты. Как близко
Солнышко висит!

Визг цикад. Трясина дышит
Под ногой босой.
Ветер травы чуть колышет.
И уже почти не слышен
Дальний голос твой.

«Я не пил паутиной воды...»

Я не пил паутиной воды
Из холодных и черных бочажин.
Не тревожил полночную стражу
Звук впитавшей меня темноты.
И на черни морского песка
Отпечатков моих не осталось,
И закат не плескался устало
В потемневших от дыма руках

Лишь в расплавленных снах городов
Вернисажем расплывшихся масок
По обломкам кирпичного мяса
Я пройду, не оставив следов.

«Там, где вымысел голый...»

Там, где вымысел голый,
Украдкой бежал через двор,
Мне беспомощный голос
Опять напаял разговор.
И в усталые руки
Уныло наплакал дождем
Заходящий без стука
И шепчущий: «Полно. Пойдем.»

А по ельнику скачут
Огни потерявшихся звезд.
На заброшенной даче
С утра заливаются дрозд.
И вдоль пыльной дороги,
Цепочкой, – собачьи следы...
Но, густой и широкий,
Уже поднимается дым.
И смолистые бревна
Трещат сквозь метель языков.
И обрушилась кровля,
Но в небо вонзается зов
И приходит тигрицей,
Нежданно, на маночий звук
Та, что больше не снится...
Но лица чужие вокруг:

«Ты ошибся, охотник!»
Но – поздно. И тщетно менять.
– Пусть чужие уходят!

Нырять в ладонь рукоять
И тропа исчезает!
...Но влага туманит зрачок.
«Ничего ты не знаешь!» —
Плывет шепоток за плечом.
Обернуться б! Да – поздно,
Уж ветер шурует в золе
И остывшие звезды —
Песком у меня на столе.
И на грязной странице
Бездонно, – провалом – зрачок
Той, что больше не снится...
Но строчка скользит поперек
И гончак серомордый
Устанет вышаривать след,
И высоким аккордом
Над высохшей стернью полей
Потечет его песня.
И дымно задышит костер,
И войдет Неизвестность
В холодный заплеванный двор.
И растрепанный тополь
Потянется веткой к окну,
И потянется тропка,
Чужая, в чужую страну.

Но Ничто не окликнет.
Ничто не поманит назад.,

Вниз по лунному лику
Сбегают сухая слеза.
И густой и широкий
Вдоль зарева тянется дым.
И холодные окна
Следят равнодушно за ним.

А по серому камню
Скользит осторожная тень.
Их ловили руками,
Но все они были – не те.
Мы снимали с них кожу,
И свет им носили в горсти.
Но почти невозможно
Любить. И отдать. И уйти.

Отгоревшие звезды —
Кусочки зеркальной золы.
Югом пахнущий воздух
И ночи нездешне светлы.
И беспомощный голос
Не тычется клювом в висок.
Только длинные волны
Взбегают на нежный песок
И какая-то птица
Плывет в неизвестную даль...

Та, что больше не снится,
Уходит...

«Почему твои волосы пахнут увядшей травой...»

Почему твои волосы пахнут увядшей травой?
Почему твоя кожа упрямо горчит на губах?
Почему этот вечер похож на исплаканный блюз,
В чей измученный голос вплетается вскриком труба?

Почему эта ночь наплывает, как сдавленный вой?
Почему твои руки дрожат у меня на спине?
Почему, Бог Ты Мой, почему я тебя не люблю?
Почему мы с тобой никогда не смеемся во сне?

Почему эти пятна похожи на старый ожог?
А проталины глаз так светло и пустынно глядят?
Почему наших ног не коснется живая вода?
Только – пыль на дороге в разбросанной оспе дождя.

Почему эта ночь осыпается, как порошок?
Почему в этот дом так давно не приносят цветы?
И, вообще, для чего мы приходим сюда,
Если я – это я, точно так же, как ты – это ты,
И не более?

«А на улице розовый снег...»

А на улице розовый снег,
Завиваясь игрушечной вьюгой
По дорожкам.
Вожмемся тесней
В наш податливо-плюшевый угол.
Не спеша источают тепло
Радиатора желтые ребра,
За двойным помутневшим стеклом
Зимней ночи расплывшийся «образ».

Всем нам кажется – там тишина.
И луна, как настольная лампа
Смотрит вниз, где январь, и сосна
Спит, раскинув расслабленно лапы.

В дымку туч окуналась луна.
И снежинки плясали фанданго.
И присел на сугроб у окна
Пролетавший над городом ангел.

Посмотрел на дымящийся чай,
И на желтую выпушку пледа,
И уже не окликнул. Смолчал.
Не позвал нас из нашего лета.
Догадался, что мы не пойдем

Босиком по хрустящему снегу.
Откачнулся, и, вспыхнув крылом,
Растворился во тьме, будто не был
Никогда.

Лубочные картинки

Перевернута страница.
Сталью лязгает парад.
На угрюмых медных птицах
Окисления кора.
Всхлипко шаркают подошвы
По излуженному льду.
Лоскут латкою на прошлом
Лепит ветер на лету.
Тленьем тронутые лица
Ждут привычного «ура».
Равнодушные убийцы
Стерегут ворота в храм.
На заснеженных ступенях —
Жирный говор воронья.
И нестройно тянут пенье
Не ушедшие в князя.

В дреме движутся колонны
(Только цепи – наяву)
По утопанному склону
К переполненному рву.

А вверху, откуда звезды
Ближе месива голов,
Разрывает синий воздух

Крест с обрубленным крылом.

«Хриплый шепот: „Что я? Где я?“...»

Хриплый шепот: «Что я? Где я?"

Коченеющее тело

Подчиняется с трудом.

Нависают над постелью:

– Взялись, братцы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.